

Алла Массорова

Командировка

Главная героиня, истосковавшись по командированному мужу, откликается на его приглашение и, едва закончив неотложные дела, приезжает аки жена декабриста в глушь... Однако долгожданная встреча с любимым приносит ей массу потрясающих открытий...

Алла Массорова

Командировка

05.07.93. В то жаркое лето с работой у Сережи не складывалось. Собственно, официально он нигде и не работал, в эти трудные девяностые зарплату на госпредприятиях или задерживали, или не платили вовсе. А так-то, неофициально, он занимался частным извозом. Ну, это если бы клиенты были, то он бы занимался извозом, а пока их не было, он все ковырялся в своей машине — готовил свой ГАЗ-52 к мифическому супервыгодному рейсу. А вдруг вот сейчас заказ на Харьков, а машина не на ходу? Почему именно на Харьков и почему она вдруг окажется не на ходу мне было непонятно, а Серега не очень-то и стремился объяснять. Само-собой разумелось, что занят он важными мужскими делами: почти каждый день он ездил с кумом «решать вопросы» и «доставать запчасти», или перебирал какие-то коробки и карданы в гараже. Уходила я на работу рано, а он приходил поздно, так что я успевала соскучиться, радовалась и не задавала глупых вопросов вроде: где был? или денег дашь? как и положено образцовой любящей жене. Я тогда Сережку очень любила и очень старалась быть образцовой женой. Все женские журналы в ту пору советовали поддерживать мужа,

поднимать его самооценку, создавать ему комфортный климат в семье и вот тогда он, дескать, обязательно добьется успеха в бизнесе и станет успешным предпринимателем, а может даже и миллионером! Главное — не мешать и поддерживать. Вот я и старалась поддерживать и занималась всякой женской ерундой: убирала, стирала, готовила... Ну и чтоб муж не отвлекался от решения глобальных задач, помогала мужу добывать денег на содержание семьи. Хотя, если прямо сказать, это только так называлось — помогала, а собственно весь наш доход и состоял из моих двух зарплат и шабашек — сутки через трое я работала оператором ЭВМ, а в остальное время зарабатывала бухгалтерией. Это был постперестроечный период, в разгар 90-х как грибы после дождя росли МЧП и ООО, всем им нужен был бухгалтер, он же главный и единственный, который начисляет налоги, составляет отчеты и разносит их во всевозможные инстанции. Чтобы эти самые инстанции не доставляли предприятию хлопот — не лезли с проверками, и не мешали собственно делом заниматься. А еще я работала оператором ЭВМ в Горгазе, по сменному графику, и было очень удобно — день-ночь, два выходных, можно еще подрабатывать. Правда, после ночной смены днем спать полагалось, а не работать, но пару раз в неделю можно было и потерпеть. И я

терпела ради семейного счастья. Только-только полученная корочка экономического в.о. позволяла мне работать главбухом по совместительству сразу в двух ООО со странными названиями. «Триумvirат» — ну это еще хотя бы было понятно, по числу учредителей, а вот почему «Миакольта» — я уже никогда не узнаю, все как-то недосуг было спросить учредителя.

Сергея мой обильный стабильный доход не радовал, его гордость и надежда — грузовой автомобиль ГАЗ-52 собственноручной сборки простаивал, заказчиков на грузоперевозки не было, мужское самолюбие жестоко страдало. Я как-то нечаянно подслушала его разговор с кумом, улыбнулась:

— Моя меня совсем запилила, денег говорит не хватает — жаловался кум моему Сережке, а тот как бы даже серьезно отвечал:

— Та то еще ничего, када пилит, у меня еще хуже

— Как хуже? Шо ж еще хуже-то? — удивился кум

— Та то шо! Она пойдет и сама заработает! — сердито ответил Сережа, но тогда это меня лишь позабавило. Разве это важно, кто заработал? Я считала, раз денег хватает, то неважно. А вот Сережке было видимо очень даже важно. Поэтому, когда позвонил его однокашник Генка и предложил

шабашку на выезде, в поселке Н-ск, обрадовались мы оба. Ну и что, подумаешь пару недель разлуки! Зато он наконец-то будет работать, заработает много-много денег, может почти столько же, сколько я, будет доволен собой, жизнью вообще и мною в частности. И этот Н-ск совсем рядом, всего часа два езды, можно будет ездить друг к другу в гости.

В утренних предрассветных сумерках мы распрощались. Я еще в ночной рубашке, а он уже одет, уже сумка через плечо, но — еще раз обнять и прижаться! Еще один, самый последний сонный поцелуй, ну, иди уже, все — иди! Все... Уже хлопнула дверь, щелкнул замок, гулко прозвучали шаги по лестничной площадке и загудел лифт... Нет-нет, еще не всё! Я выскочила на балкон, обожгло босые ступни холодом бетонного пола, слушала уханье голубей, повиснув на перилах, ждала когда Серёжа выйдет из подъезда и глянет вверх, обязательно же глянет на родной балкон! Он сейчас увидит меня, а я помашу ему рукой и настроение у него целый день будет хорошее! Вот, он вышел из подъезда, уже к машине идет через площадку, а там тополя — и ему меня на балконе почти не видно же будет! Не уходи, ну подними же голову, вот же я!! Нет, не смотрит... то есть смотрит, но не на меня, а на машину. А я все вглядывалась, высматривая его сквозь ветки... По

колесу ногой пнул, тент поправил, боковое зеркало протер... Ну, должно быть так и надо, он же готовится к дальней дороге. Сейчас вот он в кабину сядет и на прощание махнет мне рукой. Завелся двигатель, машина медленно покатила по двору... Нет, никто не машет мне, даже не выглядывает из кабины... Но может хотя бы в боковое зеркало-то он меня видит? Да видит конечно! Вот, он же его специально поправил! Я махала рукой и посылала воздушные поцелуи, пока машина не скрылась за углом. Я постояла еще немного на балконе, разглядывая сонные тополя и голубей, деловито топавших по асфальту, а потом совсем зябко мне стало и я улеглась обратно в постель, все равно еще рань несусветная! Но отчего-то теперь она казалась мне такой большой, пустой и неудобной! Я вертелась так и эдак, обнимала Сережкину еще теплую полушку, но спать мне уже совсем расхотелось. Да и Чарлик, мой милый черный кокер-спаниель уже вертелся возле кровати и тихонько повизгивал. Слышит же, что я все равно не сплю! Вот, он уже поставил передние лапки на край дивана, мордочкой ткнулся в мою руку, все меня пытался лизнуть и так преданно заглядывал в глаза, умоляя вывести его на прогулку. Ладно уж, встаю! — Идем, идем, сейчас покормлю и гулять. — Слово гулять он давно выучил, запрыгал вокруг меня, виляя коротким

хвостиком. Пока я варила кофе для себя и насыпала ему похлебку в миску он, поднимаясь на задние лапы, передними все пытался обнять мои колени. Вот же проглот, я еще ставлю миску, а он уже нырнул в нее и жадно чавкает. — Да погоди ты! — я прищепкой закрепляю ушки Чарлику на затылке и отпускаю — наконец-то дорвался, будто неделю не ел!. Ушки у Чарлика, как и положено кокер-спаниелю, свисали как пара черных мохнатых носочков, и если их не закрепить специальной прищепочкой, окунались в миску, когда он ел, а на прогулке — волочились по лужам и подметали асфальт. И конечно, после всех этих удовольствий и развлечений ушки приходилось и стирать так же, как носочки — намылить, потереть, прополоскать, благо Чарлик относился с пониманием к гигиеническим процедурам. После стирки длинную волнистую шерсть по краям ушек положено было расчесывать до полного высыхания, иначе они вместе с недомытыми остатками еды, репьями и еще бог знает чем сваливались в войлочные сосульки. Тогда один выход — отрезать! Увы. Но резать нужно, конечно, только шерстку, ушко я зацепила только один раз, самую чуточку зацепила нечаянно и мы оба с Чарликом потом рыдали весь вечер. Короче, сами понимаете, я старалась беречь ушки Чарлика от загрязнений, тем самым сберегая себе уйму времени и нервов.

Поэтому во время еды полагается прищепочка, а на прогулке — шапочка. Впрочем, шапочкой мы в хорошую погоду часто пренебрегали. Ладно шапочка, а поводок-то твой где, Чарли? Без поводка нам никак нельзя, ты ж слов-то не понимаешь... На вешалке нет, на креслах тоже... Я даже на балкон и в холодильник машинально заглянула. Машинально взяла там яблоко. И машинально стала жевать. Как-то даже и внимания на это не обратила, а вот Чарлик очень даже обратил, и теперь бегает за мной повизгивая, выпрашивает хоть кусочек, хоть огрызок. Вот такая особенность у собаки моей — очень любит некоторые фрукты и даже овощи. Никогда о таком не слыхала. Может, он уникальный в своем роде? А может, все кокер-спаниели к овощам и фруктам равнодушны? — На уже тебе яблочко, успокойся — Счастливый Чарлик на лету подхватил огрызок и захрумкал, жмурясь от удовольствия. Вот же он, поводок-то! Я же сама его в ванной повесила, когда мы вчера лапы послепрогулки мыли! Тут же мои джинсы, футболка... Может я еще и кофе успею допить... Как только псинка закончит есть, я должна быть готова к выходу, а не то он может меня не дожидаться и на полу появится лужа, или того хуже...

Бегом по ступенькам вниз! Нет-нет, Чарли! Метить лифт не надо, терпи, еще два пролета и мы

на улице. Гуляем. Двор, просыпаясь, неспешно зашевелился — спорят воробьи о чем-то, степенно прохаживаются голуби вдоль бордюров, ветерок несет первые опавшие листья... Мой пес вспомнил древний охотничий инстинкт и сделал стойку! Вау! Настоящую стойку, как настоящий охотничий пес! Замер, подняв переднюю лапу, обернулся на меня ожидая команды — а я и не знаю, чтобы ему такое скомандовать? Может он и охотничий пес, но я-то не охотник вовсе, да и ружья у меня отродясь не было... Пока я раздумывала, Чарлик опомнился и погнался за голубем. Чуть под машину не попал, водитель вон как тормозами сердито взвизгнул! Голубям-то что — взмахнули крыльями перед машиной и улетели, а Чарлику, если б я за поводок на тротуар не утащила, пришлось бы под колесами несладко. Что, испугался? Дурашка, я тоже еще как испугалась... Ох, не доведет до добра тебя этот охотничий инстинкт, глупенький ты мой. Ты же уже давным-давно, уже много поколений декоративный комнатный пес! Зачем тебе сдались эти голуби!

А вот и потянулись на рынок хозяйки с хозяйственными же сумками... А не прогуляться ли и нам на рынок? Сейчас смородина в разгаре, а к выходным уже может и подорожать, а Сереженька зимой очень любит чай со смородиной. Я ему из смородины делаю желе. Мой Сережа не любит

косточки в варенье, они у него где-то там застряют. А если прокрутить смородину через такую соковыжималку, как мясорубка, только с длинной насадкой, то получится кислочий сок и отдельно — жмых, то есть кожура со всеми косточками и хвостиками. А вот если в сок добавить много-много сахара по вкусу — получится отличное желе, а жмых потом — в большую банку и немного сахара... А потом ещё залить кипящей водой — получился замечательный компот. Сереженька любит, когда компот насыщенный. Вот мы с Чарликом сейчас и совместим полезное с приятным — и погуляем и смородиной на зиму запасемся, рынок — то совсем рядом! То есть относительно рядом. Туда пешком минут 15–20, а вот обратно бывает пол-часа, а бывает и больше.

Обычно обратная дорога с рынка домой казалась мне длиннее в десять раз. Туда — то я шла налегке, а обратно — с тяжелой сумкой. Но только не сегодня! Как много чего мне сегодня не надо! Муж в командировке — готовить некому! Я же целый день на одном кофе держусь, меня кормить днем нельзя — я тогда на работе не то что сидя, я засыпать стоя буду, особенно после ночной смены. И вечером мне бутерброда хватает, а Чарлик еще неделю будет Серегин плов доедать, пол-кастрюли стоит в холодильнике...

Поэтому долой борщ и котлеты! Картошки,

капусты, морковки, свинины, курицы — не надо! А всего-то и надо мне — килограмма три красной смородины для варенья, ну и еще можно себя побаловать — пару бананов, шоколадку и сыра сто грамм... Нет, сто, пожалуй, маловато будет, Чарлик тоже сыр любит — Эх, гулять так гулять! — нам с Чарликом 300 гр сыра! Сегодня будем пировать! Давненько я не ходила с рынка с полупустым пакетом. Три кило смородины, да моя шоколадка с бананами — это вам не картошка с капустой. Может, еще черной смородины взять?

Берите, девушка, гляньте крупная какая! Пробуйте — прямо мёд, а не смородинка! И сахару не надо! А я и недорого отдам, тут осталось-то всего ничего — килограмма три-четыре, если всю заберете, я и скидочку сделаю! — тараторила мне тетенька, — а может, и творожку ещё? один пакетик остался, за пол-цены отдам, шоб мне не стоять уже, хороший творожок, ну хоть капельку покуштуйте! — И я попробовала смородинку... действительно «прямо мёд»! И творожок попробовала, неудержалась... и забрала всё! Несмотря на то, что смородины вышло не три-четыре, а больше пяти коло! Ну и ладно, но зато скидочка действительно хорошая — творог практически даром нам обошелся. Вот уж умеют тетки базарные уговаривать! Ох, а сумка-то теперь тяже-о-лая какая! Прямо вот кажется руки сейчас

оторвутся и стану я посреди тротуара как Венера Милосская, прекрасная и безрукая. Я думаю, её так изначально и ваяли, она потому и без рук — это такой намёк на то, как тяжела женская доля, потому, что видимо и в те древние времена женщины также таскали неподъемные сумки с продуктами, которые руки обрывают! Скажу я вам, с тех пор в этом отношении мало что изменилось. Каждый раз ведь говорю себе: брать надо меньше, но переходя от одного прилавка к другому короткими перебежками, понемногу добавляя в пакет, я не сразу замечаю сколько килограммов уже успела набрать. И только выйдя на финишную прямую к дому я в полной мере чувствую, как тяжело быть замужней женщиной... А собственно, чего это я пешком? Мы сейчас вот свернем на остановочку, сядем в трамвайчик, и почти до самого дома и доедем!

На остановке я примостила пакеты в тени под деревом, а то мы с Чарликом совсем на солнцепеке захэкались. Вон он уже и язык вывалил, пить хочет бедняжка. Я отпустила немного ему поводок — садись, отдыхай. Но Чарлику отдыхать было некогда, он сначала сосредоточенно обнюхал дерево, потом за деревом, и уже было начал исследовать пыльные кустики, когда его заметила стоявшая неподалеку бабулька: — Шо ж ты там шукаешь, собачка? Иди сюда, красотуля — Чарли